

И.В. ВОВК, И.А. ШЕБАЛИН
(Орск)

**«ПРИСЯГА» И «ПОДДАНСТВО»
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ
КАЗАХСКОЙ ЭЛИТЫ В 30–40-е гг.
XVIII в.**

Описана политическая ситуация в Казахской степи в 30–40-е гг. XVIII в. и анализируются проблемы, связанные с принятием российско-го подданства ханом Младшего жуза Абулхаиром.

Ключевые слова: *подданство, присяга, Малый жуз, российско-казахские отношения.*

Первая половина XVIII в. явилась важным этапом в становлении нового вектора внешней политики Российской империи. Петр I, понимая, что дальнейшее продвижение на Запад будет осложнено конфликтами с ведущими европейскими государствами, выбирает Восток как потенциально перспективное направление дальнейшего расширения империи. В основе этого выбора лежал целый комплекс причин, среди которых можно выделить такие как:

- обеспечение торговых интересов российского купечества, издревле торговавшего с Мавераннахром;
- стремление обезопасить южные и восточные границы растущей империи;
- дипломатическое оформление дружественных и потенциально союзных отношений с приграничными государствами и народами юго-восточного фронта.

Это, в свою очередь, должно было способствовать реализации «полезного намерения в приведении издревле слышимых... обширных Киргиз-Кайсацких орд в Российское подданство» [9, с. 31].

Таким образом, в российской центрально-азиатской политике определяется новый геополитический вектор, связанный с институционально правовым оформлением российско-казахских отношений в первой половине XVIII в.

При изучении начального этапа российско-казахских отношений важны те политиче-

ские мотивы, которые лежали в основе двусторонних интересов. Их рассмотрение позволяет более четко определить характер союзных отношений между двумя государствами.

Поступательное движение России в регионе не было односторонним, т. к. казахские султаны Младшего и Среднего жузов испытывали серьезные проблемы во внутренней и внешней политике. Ситуация в Степи была сложной. С одной стороны, «на юге обострились отношения с правителями Бухары и Коканда, а с востока возросла опасность джунгарских набегов. На северо-западе они (казахи) подвергались постоянным набегам волжских калмыков, башкир и мишарей, находившихся на военной службе у правительства России» [16, с. 37].

С другой стороны, обострилась внутрижузовая борьба между ханом Абулхаиром и местными старшинами, которые были недовольны желанием хана превратиться в единоличного правителя и закрепить наследование престола за своими наследниками по нисходящей линии [3, с. 59]. Как указывает американский историк М. Ходорковский, «в сложившейся ситуации русско-казахское сближение было на тот момент практически неизбежным» [17, с. 163].

Проводником российско-казахского сближения становится дипломат, имевший опыт контактов с кочевыми народами Приуралья и Поволжья, мурза А.И. Тевкелев. Дипломатические миссии А.И. Тевкелева и задачи, которые решались в ходе первых контактов, достаточно подробно описаны в исследовательской литературе (Д.В. Васильев [3], И.В. Ерофеева [8], И.Н. Байназаров [1] и др.).

По прибытии А.И. Тевкелева во владения Абулхаира стало ясно, что далеко не вся местная знать поддерживает идею российско-го подданства, мало того, «никто из киргизов и слышать не хотел о русских чиновниках, хана не ставили и в грош и несколько раз покушались на его жизнь» [13, с. 45]. Местные старшины очень настороженно отнеслись к прибытию посланника, фактически не давая возможности ему и хану встретиться друг с другом. Кроме того, А.И. Тевкелев узнал, что ему придется «сперва-де знатных старшин удо-

вольствовать подарками, чтоб они тем умягчились» [7, с. 52].

С большим трудом А.И. Тевкелеву удается добиться созыва еще одного собрания казахских ханов, старшин и биев, на котором присутствовали и представители Среднего жуза. При поддержке ряда батыров А. Тевкелеву удалось склонить к подданству империи ряд казахских правителей. На очередном собрании тридцать казахских старшин все же принесли присягу Анне Иоанновне. Абулхаир, батыр Букенбай и его ближайшие родственники присягнули по второму разу. Судя по всему, эта процедура в прямом смысле «дорого» обошлась имперскому посланнику, т. к. впоследствии он писал, что «не осталось ничего товаров, и свои вещи и платья с плеч – все роздал и тем их в подданство всероссийское привел и от злого умысла утишил» [Там же, с. 61].

Хотя российское правительство понимало, что для него минимально затратным в экономическом и политическом отношении будет создание такой системы управления новой территорией, которая бы максимально согласовывалась с местными политическими традициями [3, с. 61], казахская политическая элита имела свои представления о союзе и подданстве. Хан Абулхаир и казахские старшины Младшего и Среднего жузов впоследствии неоднократно присягали имперским правителям (1738, 1742 гг.).

Обвинения в измене и нарушении присяги в отношении как самого Абулхаира, так и его подданных выдвигались представителями имперской администрации постоянно. Например, весной 1738 г. Абулхаир, по мнению коменданта Оренбургской (Орской) крепости, секунд-майора Бориса Останкова, вместо оказания помощи в подавлении бунта «пограбил, забрал мирных башкирцев, отбирал у них скот и заставлял платить на себя штраф». В мае 1738 г. начальник Оренбургской экспедиции В.Н. Татищев по этому поводу сообщал императрице, что, «хотя Абулхаир-хан свою присягу нарушил, однако я ... намерен с ним ласково обойтись и о погрешностях его разговором выговорить» [4, с. 158]. Результатом данного конфликта стала очередная присяга Абулхаира, которая состоялась 3 августа 1738 г. в Оренбургской (Орской) крепости в присутствии начальника Оренбургской экспедиции.

В ходе личной беседы В.Н. Татищев сначала обещал хану Младшего жуза покровительство и защиту, а затем предложил вновь принять присягу. «Абулхаир отвечал, что уже однажды присягал, но, впрочем, готов присяг-

нуть и вторично... Немедленно после сего обряда Татищев надел на Абулхаира богатую, золотом оправленную саблю, которую как особенный знак милости хан должен был обнажать только против врагов России... Торжество заключено обедом, во время которого для удовольствия и удивления гостей пили за императорское и их здоровье с пушечною пальбою» [11, с. 195–196].

Для русских чиновников окончательно стало ясно, что присяга царствующего хана не налагает никаких обязательств на его преемников да и вообще расценивается как своего рода «политическая уступка», и т. к. она принята добровольно, то может быть прервана в одностороннем порядке в любой момент. В частности, для самого Абулхаира вступление казахов в русское подданство вовсе не означало присоединения Казахстана к России и утверждения в казахских степях российской юрисдикции. С принятием чужого подданства казахский правитель не связывал утраты политической суверенности казахов. Наоборот, при помощи русских он намеревался упрочить единоличную власть, распространить ее на три жуза, сделать ханскую власть наследственной только по своей родовой линии. По мнению ряда исследователей (Т.И. Султанов, И. Ерофеева и др.), Абулхаир был готов состоять одновременно в числе подданных и русского царя, и джунгарского хунтайши, т. е. его политическое сознание степного хана XVIII в. допускало возможность «двойного господства» [8; 10].

Причины подобного отношения казахских правителей к власти известный казахстанский историк И.В. Ерофеева видит в «цивилизационной неоднородности политических систем» Российского государства и кочевой степи [8]. Применительно к подданству эта неоднородность выражалась, во-первых, в несовпадении объектов государственной власти и публичной политики: в России, как в любом оседлом государстве, это «географическая территория, освоенная этнокультурными сообществами, а у номадов – сами этносоциальные группы» (т. е. роды и племена). Следовательно, в России власть государства пронизывала по вертикали весь социум, а в степи власть хана распространялась лишь на те коллективы скотоводов, которые находились в сфере его сезонных передвижений и нуждались в его защите.

Во-вторых, власть в России осуществлялась через целую иерархию социальных институтов, которые поддерживали неразрывную связь каждого члена общества с монархом. В кочевом мире хан претворял свои пол-

номочия посредством «эпизодических, дискретных и персонифицированных контактов с правящими элитными группами. Именно в виде таких привычных контактов и представляли кочевники отношения между своими правителями и российским царем» [8, с. 227–230].

Сами казахи рассматривали свое пребывание под покровительством «Ее Императорского величества» как своего рода соглашение о протекторате с объявлением взаимных обязательств. В казахских преданиях о событиях XVIII в. отразилось стремление к такому союзу с Россией, но, скорее, как с могучим и равноправным соседом, а не с метрополией, посягающей на исконные кочевья [14, с. 165].

Приблизительно то же можно сказать и о тех способах, которые для российской власти традиционно считались формой проявления подданничества. В экономической сфере – это ясак. Если русские власти однозначно видели в нем обязанность подданных по отношению к государю, то плательщики ясака толковали его или как способ меновой торговли, или как дань побежденных победителю [Там же, с. 135].

В XV–XVI вв. в русском политическом лексиконе появляется термин «шерть», который в XVIII в. русскими чиновниками однозначно рассматривался как присяга о верности «Ее Императорскому величеству». Для кочевников (в том числе казахов) шертные соглашения оставались двусторонними договорами, на деле же являлись декларацией обязанностей младшего участника договора по отношению к старшему [Там же, с. 137].

Российские чиновники, политики, государственные деятели не сразу поняли эту особенность политического поведения степных правителей. Не случайно в работах дореволюционных историков (например, уже упоминавшегося М.А. Терентьева) Абулхаир представляется как образец лицемерия и постоянного предательства.

Интересно отметить, что с началом «административного» продвижения Российской империи в казахские степи ситуация в этом отношении мало изменилась. Родовая старшина, регулярно принимавшая присягу на верность, относилась к ней так же, как и во времена первых контактов между имперскими дипломатами и ханом Абулхаиром.

Российский чиновник, полковник П.А. Строжинский в донесении в Оренбургскую губернскую канцелярию в 1777 г. пишет, что «их знатные люди, которые ранее Протекцию Государеву принимали, готовы ее принимать разы, и

с тем прошения многыя сшлют» [5]. Однако в этот период российская администрация уже не была готова потакать всем пожеланиям казахской старшины, тем более что со смертью хана Абулхаира в августе 1748 г. Младший жуз из непостоянного союзника империи превращается в фактического вассала.

По мнению ряда исследователей кочевых обществ (Т. Барфилд [2], А.М. Хазанов [15] и др.), кочевые государства Внутренней Азии представляли собой «имперские конфедерации, ... государствоподобные во внешней и военной политике, но придерживавшиеся принципов совещательности и федерализма во внутренних делах» [2, с. 43]. На местном, родоплеменном уровне всей полнотой власти обладала местная знать (в русской административной традиции – старшина), которая опиралась на прямую поддержку своих соплеменников, а не на приказы жузовых правителей. При благоприятной, стабильной экономической и политической ситуации верховная власть монополизировала сферу международных контактов, выступая на переговорах с другими государствами от имени всей общности. В случае же принятия подданства правителем Малого жуза ханом Абулхаиром и родовым старшиной в 30–40-е гг. XVIII в. ситуация была предельно сложной. Внешняя опасность, утрата традиционных кочевий, междоусобицы ослабили ханскую власть и фактически усилили не только родовую аристократию, но и степных батыров, которые продолжали требовать от Абулхаира значительных политических и материальных преференций. Стабильность жузовой родоплеменной структуры поддерживалась за счет извлечения ресурсов за пределами степи, а именно это в новых условиях было крайне затруднено. Племенные обычаи и политическая культура казахских правителей периода 30–40-х гг. XVIII в. позволили им рассматривать процедуры принятия подданства и присяги как событие внутренней политики, своеобразный ответ «историческим вызовам» и, что не менее важно, предмет политического торга со своим собственным окружением в лице ханов, биев и батыров.

В этом отношении ситуация отчасти начинает меняться значительно позднее, уже после смерти хана Абулхаира. В июле 1849 г. хан Нурали был возведен в ханское достоинство посредством принесения присяги российской императрице на Коране. Оренбургский губернатор И.И. Неплюев в донесении Коллегии иностранных дел писал, что «по приезде ханом в тот лагерь ни о церемонии, ни же

о чем другом затруднительных запросов, как то напредь сего от отца ево было чинено, не происходило...» [6, с. 475]. В этом же документе И.И. Неплюев указывает на тот факт, что из четырех предваряющих присягу Нурали условий он отказывает ему только в одном, а просьбу об обязательном «приводе к присяге» старшин оставляет на их усмотрение [Там же, с. 476]. Подобный «демократизм» оренбургского генерал-губернатора, скорее всего, связан с новым для российской администрации «прочтением» политической ситуации в Степи. Пророссийская политика Нурали в целом устраивала российскую администрацию, власть родовой аристократии и батыров уже не представляла прямой угрозы российским интересам, и в этот период начинается подготовка к «административному присоединению» Казахстана к Российской империи посредством налаживания эффективного бюрократического управления регионом.

Список литературы

1. Байназаров И.Н. А.И. Тевкелев и его роль в осуществлении юго-восточной политики России в 30–50-е гг. XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2005.
2. Барфилд Т. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.). СПб.: Нестор-История, 2009.
3. Васильев Д.В. Россия и казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М.: Рос. полит. энцикл., 2014.
4. Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897. Т. 1.
5. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 3. Д. 17.
6. Донесение Оренбургского губернатора И. Неплюева Коллегии иностранных дел. О церемонии публичного избрания султана Нурали ханом и состоявшихся при этом переговорах с казахскими феодалами [1749 августа 9] // Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961.
7. Дополнение переводчика Коллегии иностранных дел А.И. Тевкелева в Коллегию иностранных дел о принятии российского подданства казахами Младшего и Среднего жузов 1732 г. // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вев. Алматы, 2005. Т. III.
8. Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы, 2007.
9. Из записи А. Тевкелева по поводу высказывания Петра I о привлечении казахов в российское подданство // Казахско-русские отношения в XVI–

XVIII веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961.

10. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. СПб., 2009.
11. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы: Санат, 1996.
12. Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и поступательного движения в него русских. СПб., 1890.
13. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906.
14. Трепавлов В.В. Белый царь. Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007.
15. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000.
16. Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. Н.Е. Бекмаханова. М., 2008.
17. Khodarkovsky. M. Russia's steppe frontier. The making of a colonial empire, 1500–1800. Bloomington – Indianapolis: Indiana University Press, 2002.

* * *

1. Bajnazarov I.N. A.I. Tevkelev i ego rol' v osushhestvlenii jugo-vostochnoj politiki Rossii v 30–50-e gg. XVIII v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ufa, 2005.
2. Barfield T. Opasnaja granica: kochevyje imperii i Kitaj (221 g. do n.je. – 1757 g. n.je.). SPb.: Nestor-Istorija, 2009.
3. Vasil'ev D.V. Rossiija i kazahskaja step': administrativnaja politika i status okrainy. XVIII – pervaja polovina XIX veka. M.: Ros. polit. jencikl., 2014.
4. Vitevskij V.N. I.I. Nepljuev i Orenburgskij kraj v prezhnem ego sostave do 1758 g. Kazan', 1897. T. 1.
5. Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti (GAOO). F. 3. D. 17.
6. Donesenie Orenburgskogo gubernatora I. Nepljueva Kollegii inostrannyh del. O ceremonii publichnogo izbranija sultana Nurali hanom i sostojavshijsja pri jetom peregovorah s kazahskimi feodalami [1749 avgusta 9] // Kazahsko-russkie otnoshenija v XVI–XVIII vekah (sbornik dokumentov i materialov). Alma-Ata, 1961.
7. Dopolnenie perevodchika Kollegii inostrannyh del A.I. Tevkeleva v Kollegiju inostrannyh del o prinjatii rossijskogo poddanstva kazahami Mladshego i Srednego zhuzov 1732 g. // Istorija Kazahstana v russkih istochnikah XVI–XX vekov. Almaty, 2005. T. III.
8. Erofeeva I.V. Han Abulhair: polkovodec, pravitel' i politik. Almaty, 2007.
9. Iz zapisi A. Tevkeleva po povodu vyskazyvanija Petra I o privlechenii kazahov v rossijskoe poddanstvo // Kazahsko-russkie otnoshenija v XVI–XVIII vekah (sbornik dokumentov i materialov). Alma-Ata, 1961.

10. Kljashtornyj S.G., Sultanov T.I. Gosudarstva i narody evrazijskih stepej. SPb., 2009.

11. Levshin A.I. Opisanie kirgiz-kazach'ih ili kirgiz-kajsackih ord i stepej. Almaty: Sanat, 1996.

12. Maksheev A.I. Istoricheskij obzor Turkestana i postupatel'nogo dvizhenija v nego russkih. Spb., 1890.

13. Terent'ev M. A. Istorija zavojevanija Srednej Azii. Spb., 1906.

14. Trepavlov V.V. Belyj car'. Obraz monarha i predstavlenija o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv. M.: Vost. lit., 2007.

15. Hazanov A.M. Kochevniki i vneshnij mir. Almaty, 2000.

16. Central'naja Azija v sostave Rossijskoj imperii / otv. red. N.E. Bekmahanova. M., 2008.

“Oath” and “citizenship” in the political practice of the Kazakh elite in the 30–40s of the XVIII century

There is considered the political situation in the Kazakh steppe in the 30-40s of the XVIII century and analyzed the issues of taking out the Russian citizenship by the Khan of the Junior ZhuzAbulhair.

Key words: citizenship, oath, Minor Zhuz, Russian-Kazakh relations.

(Статья поступила в редакцию 16.02.2016)

А.В. КОВАЛЕВ
(Волгоград)

**ПЕРИОД РЕСТАВРАЦИИ
МОНАРХИИ СТЮАРТОВ И ЕГО
ОТРАЖЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ ДЖОНА ЛОККА**

Рассмотрены идеи известного английского философа Джона Локка, анализируется связь между событиями и процессами эпохи Реставрации Стюартов и политической доктриной Д. Локка.

Ключевые слова: Англия, Джон Локк, Стюарты, Реставрация, политическая концепция.

Свою политическую концепцию английский мыслитель Джон Локк изложил в наиболее полном виде в «Двух трактатах о правлении», которые были созданы в основном в

80-х гг. XVII в. в период Реставрации. Поэтому события этих лет нашли своё отражение в политической философии Локка. В чём же выражается эта связь?

В 1660 г. Карл II вернулся из эмиграции, в Англии была восстановлена монархия. Он возвратился на родину фактически на «договорных» началах, а отнюдь не в качестве абсолютного монарха. Карл II обнаружил Бредскую декларацию, в которой обещал политическую амнистию всем участникам революции (кроме лиц, названных самим парламентом), сохранение права собственности за владельцами имущества, приобретённых из фонда конфискованных во время революции земель, веротерпимость, созыв «свободного» парламента [2, с. 16–17]. Кроме того, он подтвердил ряд важнейших законодательных актов – «Великую хартию вольностей», «Петицию о праве», статут об исключительном праве парламента вводить налоги и другие парламентские привилегии. У короля не было постоянного войска, за исключением дворцовой охраны и немногочисленных гарнизонов в Шотландии и Ирландии. Не были восстановлены унитарные революцией суды королевской прерогативы, Звёздная палата, Высокая комиссия – орудия подавления политической оппозиции. Лишённый коронных земель, Карл II в финансовом отношении зависел от парламента.

Таким образом, новые условия функционирования восстановленной монархии указывали на её конституционный, ограниченный, дуалистический характер, во многом соответствовавший образу правления, начертанному впоследствии Дж. Локком в его «Двух трактатах о правлении». Однако реальные события эпохи Реставрации, колебания политики Карла II между абсолютистскими притязаниями наследственного монарха и фактическим положением «договорного» короля и особенно откровенно абсолютистские поползновения преемника Карла II Якова II в значительной мере шли вразрез с первоначальными условиями существования реставрированной монархии как монархии конституционной.

В период 1660–1688 гг. происходили частые столкновения между королём и парламентом по важнейшему вопросу – о правах и прерогативах монарха и палаты общин. Например, шла борьба по проблеме возможности или невозможности действий короля в противоречии с законами страны. Так, во время